

ЭЛИЗАБЕТ КЕЙ

Я
во всем
виновата

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 33

Elizabeth Kay
GUILT TRIP

Copyright © 2025 by Elizabeth Kay

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Нечаевой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-29667-1

© И. А. Нечаева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

— Ну? — прошептал ты.

Снаружи шел снег, белел на фоне ночного неба и таял, падая на асфальт. Ты поднял голову и посмотрел в зеркало заднего вида. Я тоже повернулась.

Оскар привалился затылком к подголовнику. Веки у него отяжелели, на носу выступили капельки пота — как всегда, когда он засыпает, зимой или летом, на солнце или на морозе.

Я покачала головой. Я не могла пока ответить, не хотела начинать, пока мы не останемся вдвоем. Я отвернулась и закрыла глаза. Ревел мотор, воздух с гудением проносился за стеклом. На моих закрытых веках блестели желтые уличные фонари. Я чувствовала запах шишек, сырой одежды и ароматической смеси сухоцветов, которую твои родители держат — или держали — в большой миске в гостиной.

Я знала, что время уже подошло.

— Джесси?

Я открыла глаза и увидела одинокие фары на противоположной стороне дороги. Глубоко вздохнула и попыталась подобрать слова. Я хотела извиниться за то, что вынудила тебя уехать от семьи. Я знала, что твоей матери осталось максимум несколько месяцев — как оказалось, даже недель — и что твой отец умолял тебя приехать домой с братьями на последние выходные. Он беспокоился — и вполне обоснованно, — что она не доживет до конца года.

Я тоже хотела попросить тебя об одолжении, даже более того. Выложить на приборную панель все фишки, заработанные за семь лет брака, и обменять их на одну маленькую вещь. Мне нужно было твое доверие. Я думала не о себе, а о нас. Я хотела вычеркнуть тот день из твоей памяти и оставить свою историю такой, какой она всегда воспринималась: мутной, но безопасной. Мне нужно было, чтобы ты поверил, что не стоит задавать вопросов.

— Ну же, Джесси? — снова прошептал ты.

Я повернулась к тебе.

— Тебе нечего сказать? Совсем?

— Есть. Я просто...

Я знала — в глубине души, — что ты не оставишь это просто так.

— Мне позвонили из полицейского участка, — прошипел ты испуганно, но зло и решительно, — и я говорил с каким-то копом, который, похоже, искал совсем другого юриста. Как будто он ошибся номером. Ему нужен был тот, кто разбирается

в уголовном праве. А потом вдруг выяснилось, что он звонит по поводу моей жены. Что он ее допрашивает.

— Я знаю, я...

— Ты — что, Джесси? Ты это сделала?

Стоп. Перезагрузка.

Дышать.

Я чувствовала, что это снова происходит, что синансы в моем мозгу вспыхивают, загораясь яростью, как эта ярость нарастает и жжение заливает мое тело. Я досчитала от одного до десяти и продолжила считать: одиннадцать, двенадцать, тринадцать.

Я ждала, пока все утихнет.

— Я этого не делала. Я не убивала ее.

— Но ты была там.

— Да, но...

— Как ты там вообще оказалась, Джесси? Ты сказала мне, что... Ты сказала... Ты сказала, что собираешься остаться дома. А теперь на пляже лежит труп, и они звонят мне, потому что моя жена... кто, подозреваемая? И я прямо посреди сраного ужина бросаю на столе воскресное жаркое, выдергиваю сына и еду три часа, чтобы вытащить тебя из тюрьмы под залог!

Ты замолчал. Погладил обеими ладонями руль, вздохнул.

— Ну?

— Я этого не делала, я...

Я еле дышала.

— Я этого не делала, — повторила я в третий раз, как одна из тех музыкальных игрушек, которые твердят одно и то же, пока их не захочется расколотить об пол. — Я не делала этого. Я думала, что после всего, что случилось в прошлый раз...

— Что? — Ты наконец посмотрел на меня. — Что ты имеешь в виду под прошлым разом? Что там случилось?

Я чувствовала их обе: по одной на каждой ладони.

Я походила на статую правосудия с весами в руках, но балансировала не между добром и злом, а между двумя разными смертями. Мне предстояло сделать два признания о двух смертях, происшедших с разницей в двадцать лет: одна — в пик летнего зноя, когда нас еще ослепляло детство, а другая — в это утро, в самый холодный день года, когда мы уже выросли и должны были кое-что знать о жизни.

Я посмотрела на тебя.

— Джесси? — Ты потер лоб ладонью. — Мы?.. Я не понимаю, что происходит. Ты...

До этого мгновения ты никогда не терял дар речи. Ты слишком боялся задавать вопросы вслух. Переживет ли это твой брак? Останется ли твоя жена той женщиной, которую ты знал и любил?

— Пожалуйста, просто выслушай меня. Хоть немного. Позволь мне все объяснить.

Я еще не знала, с чего начать. Не знала, как рассказать о своем участии в двух смертях. Я не могла

сказать тебе: да, я была там, на краю обрыва, с которого сегодня утром столкнули женщину, потому что между нами разгорелся жестокий спор. Я кричала на нее прямо перед тем, как она упала, я отказывалась простить ее. Я называла ее ужасными словами — тебе стало бы стыдно, — но только потому, что она этого заслуживала. Я была потрясена, когда она, кувыркаясь, полетела вниз к морю, но не ужаснулась, потому что она заслужила именно такой финал.

Я не могла говорить такие вещи и ждать, что ты меня простишь.

Мне нужно было, чтобы ты сначала понял, как мы оказались в этом месте, почему мою семью запятнали две смерти, происшедшие за два десятилетия. Мне нужно было, чтобы ты понял меня. Понял ту, которая совершала первые ошибки. Я пыталась быть честной, пока мы ехали среди белых снежинок, но я слишком сильно боялась. Я не могла смириться с тем, что наш брак может закончиться, — только не здесь, в машине, где спал наш маленький сын. Я солгала тебе. Теперь я могу это признать. Прости меня.

Это было глупо, правда. Ты всегда был умнее меня.

Я хотела прожить с тобой всю жизнь. Я представляла нас вместе через пятьдесят лет, в саду, с круассанами и кофе, с газетами на деревянном столе, яркий тик которого потускнел до серого. Я представляла тебя, разгадывающего сложный

кроссворд, прячущего ручку под тарелкой. Я представляла, как подрезаю розы, а потом сажусь рядом с тобой и подсказываю ответ.

Это была глупая мечта. Любую загадку ты всегда разгадываешь быстрее меня.

Я попробую еще раз.

На этот раз я расскажу все лучше.

Я не буду лгать. Я не подведу тебя.

Но нам лучше поторопиться. У нас мало времени.

ГЛАВА 2

Все началось двадцать лет назад. Несколько недель подряд стояла жара — градусов тридцать. Кожу стягивало пленкой из морской соли, засохшего пота и крема для защиты от солнца. Песок постоянно застревал в морщинках на сгибах локтей и между пальцами ног. Каждое утро я собирала волосы в хвост, чтобы они не липли ко лбу и шее. По вечерам было трудно дышать, потому что воздух оставался жарким и густым от колючей пылицы. Мне было десять лет, почти одиннадцать. Я была уверена в себе — возможно, даже слишком.

Я была самой старшей из нас четверых.

У меня есть младшая сестра.

Мне следовало рассказать о ней много лет назад, когда мы только начали встречаться. Это было бы так легко сделать, когда ты делился историями о своем детстве, о шалостях и хаосе, который творили четверо неуправляемых мальчишек. Я могла бы рассказать о наших проказах, но эти истории ничем хорошим не закончились. Я чуть было не проговорила спустя пять лет, за несколько месяцев

до нашей свадьбы, когда твоя мать пристала ко мне с расспросами. Но все же я сказала, что у меня никого нет.

Лидия, моя сестра, родилась через два года после меня, в тот же самый день.

Я обращалась с ней как с маленькой куклой, неуклюже держала ее на руках, пыталась кормить и переодевать, хотя сама была немногим больше младенца. С тех пор я много раз листала альбомы с многочисленными фотографиями тех лет: мы прижимаемся друг к другу чумазыми щечками, дружно улыбаемся в объектив. Я хранила свою любимую фотографию в ящике прикроватной тумбочки. Мне шесть лет, на мне белые штанишки с оборками, в руке я держу оранжевый шланг. На моей сестре желтый купальник с розовыми бретельками, и капельки воды, как бусинки, усеивают нашу кожу. Мы прижимаемся друг к другу лбами, и тяжелые мокрые пряди наших рыжих волос свисают вниз.

Потом, когда мы остались вдвоем и начали сгибать шланг и отпускать его, она упала в гортензии. Я помню, как она долго пыталась встать и раздавила почти все цветы. Я сказала — и была права, конечно, — что не стоит признаваться, что это могла сделать и кошка. Но она настояла на своем и, всхлипывая, побрела в дом просить прощения.

Думаю, фотография лежит на прежнем месте.

Эмбер, моя двоюродная сестра, родилась через четыре дня после меня.

Она появилась на свет первого сентября, а я — двадцать восьмого августа. Это означало, что нас разделял целый школьный год, и я окончательно стала считаться самой старшей. Но почему-то старше казалась она. Быстрее, умнее, выше. Тем летом у нее немного набухла грудь, а мое тело оставалось мальчишеским. Я носила обтягивающие белые топы и говорила себе, что это бюстгалтеры. В ее присутствии я держалась прямее.

Через месяц или около того я должна была пойти в местную среднюю школу. Она была полна решимости получить стипендию в более модной школе и, если сдаст экзамены и ее проект будет принят, отправиться туда следующей осенью. Для нее было важно оказаться там, где другие ученики — и их родители — разделяли ее стремления.

На этом я остановлюсь, потому что все уже понятно. Она считала себя лучше всех нас. Полагала, что заслуживает большего.

Она заслужила все, что выпало на ее долю, если хочешь знать мое мнение.

У Эмбер была сестра Пейдж.

Пейдж исполнилось всего семь, и она была совсем крошкой.

Хотела бы я сказать, что она была милейшей малышкой, которую обожали и баловали. Но я не стану лгать. Мне не нравилось, как она упивалась своим статусом самой маленькой и самой кроткой. Мне не нравилось, что наши родители — в частности, ее отец — настаивали на том, чтобы мы обращались с ней как с равной.

Каждый год мы проводили вместе, вчетвером, по крайней мере несколько недель. У нас, конечно, были и хорошие дни, пока все не стало плохо.

Какой же бред — никогда не говорить о них, да? Я еще вернусь к этому. Обещаю.

У нас был коттедж на побережье, так далеко от дома, что казалось, будто это совсем другой мир. Сначала мы проводили там время с бабушкой и дедушкой — они прожили там последние тридцать лет своей жизни, — но после их смерти он достался нашим матерям. Мы продолжали приезжать туда, потому что всем казалось невозможным провести лето в другом месте.

Я и сейчас вижу его таким же, каким он был в то лето: кирпичные стены, увитые плющом и розами, круглая соломенная крыша, деревянные окна, задвинутые ставнями. Я помню заросший сад, вид на море и ощущение того, что снаружи дом всегда казался большим, ярким и красочным. Мы жили вчетвером в одной комнате, и какое-то время это казалось прекрасным, потому что спален в домике было всего три, и необходимость тесниться в таком маленьком пространстве сходилась за приключение.

У нас было много традиций, слишком много, чтобы их перечислять, но первой задачей каждого лета была постройка убежища в саду. В тот год я не хотела этого делать, но сестра умоляла меня и говорила, что никто не справится так же хорошо, как я, что без меня все будет не то, и я почувствовала себя нужной. Я вздохнула, делая вид, что меня вынудили, и на следующее утро приступила к работе.

Я велела сестре принести деревянную сушилку для белья из чулана и поставить ее между свисающими ветвями плакучей ивы. Младшей кузине пришлось собирать клетчатые пледы в гостиной. Я накинула один из них на сушилку и полезла внутрь, расстилать остальные на земле.

Эмбер на моей памяти никогда ничего не делала, просто наблюдала за нашей работой.

В укрытии было прохладно, несмотря на зной снаружи; спутанные ветки отбрасывали на траву тонкие, холодные тени. Я сняла сандалии и почувствовала под ногами росистую землю. Мне нравилось, что здесь было тише, чем снаружи. Зелень заглушала шум волн и пение птиц, как будто мы сидели в каменной пещере. Я подвинулась, чтобы остальные могли залезть ко мне.

— Как тут хорошо, — сказала Пейдж.

Мы просидели так некоторое время — наверное, час, — шевеля пальцами ног в траве и плетя веночки из маргариток. Мы обсуждали свои планы: долгие дни, которые мы проведем на пляже, прыгая по камням и плюхаясь в море. Не знаю, почему мы с этого не начинали.

— У меня есть идея.

Эмбер. Конечно же, это была Эмбер.

— Ну? — спросила я.

— Давайте устраивать испытания.

— Например? На смелость?

— Давайте! — воскликнула Пейдж, которая, если уж на то пошло, ни за что бы не согласилась

рискнуть. Так что, когда все же пришло время, мы даже не сообразили облегчить ей задачу.

— Интересно! — сказала Эмбер. — Я не думала о смелости, но это должно быть здорово.

Я помню, что она смотрела на меня, когда говорила это.

— Тогда ты первая, — решила я.

Она сидела неподвижно, скрестив ноги, и думала.

— Давайте стучать в двери и убегать, — сказала она в конце концов.

— Нет, — возразила Лидия, — я не буду. Это глупо и по-детски, и у нас будут неприятности.

— Я сделаю это, — сказала я.

Ах, если бы я промолчала!

— Хорошо, — согласилась Эмбер, — пошли.

Мы выбежали на улочку и встали на дороге, обливаясь потом под жарким солнцем. Я смотрела на три ближайших коттеджа, потихоньку делая приседания и упражнения на растяжку и прикидывая, как будет проще. Я выбрала ближайший. Мы знали, что там живет пара: женщина, которая постоянно возится в саду, и мужчина — коронер, который, насколько мы понимали, разделявал мертвецов и трогал безжизненные тела. Раньше наши мамы иногда заглядывали туда по вечерам *немного посидеть*.

Странно, но мне не было страшно. Наоборот, я чувствовала себя окрыленной. Я подкралась к дому на полусогнутых, прижав подбородок к груди. Заползла на крыльцо и приподнялась, чтобы загля-

нуть в боковое окно. Я увидела только свое отражение. Мне понравилась резкая линия челюсти и то, как свет падал на мое лицо. Я выпрямилась, подняла руку и трижды громко стукнула в дверь. Я почувствовала мгновенный всплеск невероятного облегчения — примерно так же, как когда родился наш сын.

И тут внутри коттеджа хлопнула дверь.

Я дернулась и чуть не упала, задела «музыку ветра» и ударилась рукой о косяк. Я побежала к сестре и кузинам. Я промчалась мимо них, к боковой дорожке, ведущей в наш сад. Я помню, как распахнулись ворота, как за спиной слышались шаги.

Мы рухнули на траву.

— Я знаю, что вы там, — послышался голос женщины. — Как по мне, это не слишком смешно.

— Тише, — сказала Лидия, — хватит смеяться. Прекратите. Замолчи.

— Я не думала, что у тебя хватит смелости, — сказала Эмбер.

Тогда мне было смешно, но это было начало конца, начало перехода от детских игр к чему-то более зловещему. Я не упоминала о своей семье, когда мы только начали встречаться, не потому, что это не было важно, а потому что оттуда проросли худшие мои черты. Я не хотела, чтобы ты о них знал, но теперь знаешь.

С тех пор я много передумала. Между прочим, стучать в дверь и убегать — это преступление: «Умышленное и преднамеренное беспокойство любого жителя звонком или стуком в дверь». Можешь

поверить, что за это до сих пор полагается тюремное заключение, как в девятнадцатом веке? Меня могли посадить в тюрьму на четырнадцать дней.

Если бы следующую пару недель я просидела за решеткой, это избавило бы нас от стольких страданий и мук... Я должна признаться — добровольно — в остальном, в том, что гораздо хуже этого, в том, за что меня следовало бы посадить в тюрьму на десятилетия.

ГЛАВА 3

Тем летом на пляже мы встретили мальчика.

Шел третий день, и мы с кузинами сидели на низеньком заборчике, который отделял дорогу перед коттеджем от поля напротив. Меня раздражало, что нам приходилось ждать. Я бы с удовольствием побежала на пляж, натянув шорты поверх купальника и вообще ничего не взяв с собой, но моя сестра опять побежала наверх за полотенцем и тубиком густого крема для загара.

Мы молча сидели и скучали, но тут серебристая машина с затемненными окнами замедлила ход и остановилась рядом с нами. С пассажирского сиденья вылез мальчик лет двенадцати. Песочного цвета волосы он заправлял за уши, глаза у него были ярко-голубые — совсем как у тебя, любовь моя, а на голове у него сидели темные очки с поляризованными линзами, ужасно крутые. Он достал из багажника доску для серфинга, и футболка слегка приподнялась, обнажив полоску загорелой кожи чуть выше пояса: острая бедренная кость, мягкая кожа.

— Отлично, — сказал он и улыбнулся. Один уголок губ приподнялся выше другого.

Мы отошли в сторонку, чтобы освободить проход. Он перепрыгнул через заборчик и пошел по тропинке с доской на плече. Мы молчали.

Лидия выбежала из коттеджа с рюкзаком.

— Кто это? — спросила она.

На нашем тихом пляже редко бывали другие люди.

— Не знаю, — ответила я.

Я никогда раньше не смотрела никому вслед и не чувствовала инстинктивной потребности следить за уходящим, не боялась, что он может исчезнуть. Во мне что-то словно сдвинулось, позвоночник переместился на несколько дюймов влево, а сердце скакнуло в другую сторону груди.

Эмбер первой перепрыгнула через заборчик.

— Как думаешь, он умеет нормально серфить? Встанет?

— Подожди! — Пейдж схватила туфли и тоже перелезла за ней. — Я с тобой!

Мы прибежали на пляж и уселись на вершине дюны. Пересыпая песок сквозь пальцы, мы смотрели, как мальчик выгребает на доске. Мы вспотели, когда солнце поднялось выше, щеки у нас порозовели, во рту пересохло. Мы ничего не говорили друг другу, просто молча сидели и смотрели. Мы смотрели на сверкающую воду. Смотрели, как он вскакивает, находит равновесие и встает, как на твердой земле. Он скользил по морю, как дельтаплан по воздуху. Он крутился в волнах, взбираясь на гре-

Кей Э.

К 33 Я во всем виновата : роман / Элизабет Кей ; пер. с англ. И. Нечаевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 336 с. — (Звезды мирового детектива). ISBN 978-5-389-29667-1

Как давно они не приезжали в этот дом... С той самой ночи, когда погибла их младшая сестра. Обстоятельства ее смерти остались невыясненными. Эта трагедия расколола семью. И все же спустя двадцать лет три сестры решили провести вместе Рождество в уединенном коттедже на скалистом побережье Англии. Старшая из них, Джесс, долгие годы хранит жгучую тайну. Ее мучают раскаяние и страх. Если правда выплывет наружу, ее брак может разрушиться, да и сама жизнь пойдет под откос... Скелеты в шкафу есть и у других сестер. Не пора ли набраться смелости и поделиться секретами с близкими людьми? Именно сейчас, когда дом отрезан ненастьем от внешнего мира. Но происходит еще одно ужасное событие...

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ЭЛИЗАБЕТ КЕЙ
Я ВО ВСЕМ ВИНОВАТА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Элеонора Шорина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Татьяна Бородулина, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.11.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 20,58. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-RBD-38800-01-R